

Отечественная война 1812 года

С. 171. [Грин другому члену БГ, Снегирю]:

- Понять нужно. Это война. Мы воюем. Там, на той стороне, всякие люди есть. Бывает, что добрые, хорошие, честные. Но на них другой мундир, и значит, они враги. Вот все Бородино, Бородино. Скажи-ка, дядя. Помнишь, да? Там ведь стреляли, не думали, в хорошего или в плохого. Француз - значит, пали. Не Москва ль за нами. А тут враги похуже, чем просто французы. Жалеть нельзя. То есть можно и даже нужно, но не сейчас. Потом. Сначала победить, потом жалеть.

В голове все выходило убедительно, а вслух не очень.

Снегирь вскинулся:

- Я про войну понимаю. И про врагов. Они отца повесили, мать погубили. Но гимназист-то с дамой этой при чем? Когда воюют, ведь мирных жителей не убивают?

- Нарочно не убивают. Но если пушка выстрелила, кто знает, куда попадет снаряд. Может, что и в чей-то дом. Это плохо, это жалко, но это война. - Грин стиснул пальцы в кулак, чтобы фразы не сжимались комками - иначе Снегирь так и не поймет. - Разве они наших гражданских жалеют? Мы хоть по ошибке, ненарочно. Вот ты говоришь, мать. За что ее в каземате сгубили? За то, что отца твоего любила. А что они делают каждый день, год за годом, век за веком, с народом? Обирают, морят голодом, унижают, держат в свинстве.

На это Снегирь ничего говорить не стал, но Грин видел, что разговор не окончен. Ладно, еще будет время.